

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

**Социокультурные аспекты
освоения Сибири**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008**

I. СИБИРЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЕВРО-АЗИАТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

О.Г. Щитова

СИБИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕОБСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ XVII В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В истории лексики говоров Среднего Приобья, по своему характеру являющихся переселенческими говорами вторичного образования, отчетливо выделяются два периода их существования – досибирский и сибирский. К досибирскому периоду относится лексика, привнесенная в среднеобские говоры первоначальниками сибирского края, бывшими жителями европейской территории Российского государства. Это в основном общерусская лексика, заимствованная русским языком и его говорами, ставшими материнскими по отношению к среднеобским (из языков Западной Европы, тюрко-монгольских, финноугро-самодийских и др.), в большинстве своем адаптированная и ассимилированная к XVII в.

Предмет настоящего исследования составляет иноязычная лексика сибирского периода вхождения в говоры среднеобского бассейна XVII в. в аспекте источников заимствования. Она является отражением этнических контактов русскоязычных первоначальников Западной Сибири с носителями местных восточных языков аборигенов этого края и представляет особенность языкового континуума, сложившегося в результате неповторимого синтеза столь различных языков и культур на границе между Западом и Востоком.

Как известно, конец XVI–XVII в. являются начальным периодом активного заселения русскими огромного сибирского пространства. В начале XVII в. были возведены Томский, Нарымский, Кетской, Кузнецкий и другие остроги будущего Томского уезда¹,

¹ *Русские говоры Среднего Приобья* / О.И. Блинова, О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Л.А. Захарова, В.В. Палагина, Г.А. Раков, М.Н. Янценецкая и др. / Под. ред. В.В. Палагиной. Томск, 1989. Ч. 2. С. 4. (Далее – РГСП, 1989).

поэтому томские говоры XVII в. находились на границе между славянским миром и Сибирью и отражали состояние пограничья, взаимопроникновения культур и языков Европейской России, олицетворяющей Запад, и сибирского автохтонного населения, олицетворяющего Восток.

В результате такого взаимопроникновения образуется нечто третье, не равное простой сумме слагаемых, в XVII в. происходит самое начало формирования качественно нового языкового континуума. Исследование корпуса иноязычных номинаций, входящих в лексический состав данного пограничного языкового образования, позволяет выявить не только характерные для него в XVII в. новые направления языкового контактирования, но и изменения, произошедшие с унаследованными из материнских говоров лексическими элементами в новых условиях.

Изучение местных письменных памятников XVII в., отражающих пограничное состояние русского языка и его говоров, имеет культурологическое и источниковедческое значение.

Культурологический аспект изучения томских деловых документов XVII в. сводится к тому, что в них находят отражение языковые явления, происходящие на трансграничной территории освоения восточных, в данном случае азиатских, культур и встреча с ними русско-славянской культуры и языка. Анализ неисконной лексики томской разговорной речи XVII в. показывает становление нового культурного сообщества, начальные этапы формирования *пограничья*.

Западносибирские деловые рукописи служат источником для исследования особенностей языкового межграничного языкового континуума, развивающегося в условиях диалога культур Запада и Востока, источником для выявления новых диффузных форм и смыслов, отличающихся как от материнского языкового истока, так и от иноязычного источника. Источниковедческая ценность сибирских деловых документов связана также с возможностью проследить по ним пути формирования языка русской нации, а также сделать некоторые поправки к хронологии заимствований.

В задачи статьи входит:

1) выявить источники заимствования лексики неисконного происхождения, вошедшей в русские говоры Среднего Приобья в XVII столетии, т.е. на начальном этапе *сибирского* периода существования современных среднеобских говоров, переселенческих го-

воров вторичного образования, и очертить особенности структурного содержания сибирского пласта неисконной лексики;

2) проанализировать тюркизмы сибирского периода с точки зрения языков-источников и выявить ведущее тюркское влияние на томские говоры XVII в. и направление основного культурного воздействия, приведшего к формированию пограничного языкового континуума в среднеобском ареале;

3) показать источниковедческое значение исследования томских деловых документов XVII в. в плане уточнения хронологии заимствований и фиксации лексического материала, не отмеченного в исторических словарях других регионов.

I. Генетическая разнородность иноязычной лексики, вошедшей в разговорную речь русских насельников Приобья XVII в., проявляется прежде всего в наличии заимствований, с одной стороны, из западных языков (германских, романских, греческого, польского и др.), унаследованных из материнских говоров, а с другой – из тюркских, монгольских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, самодийских и др.

В XVII в. не прекращается поступление западных заимствований в составе материнских говоров с территорий первичного расселения в русские говоры Среднего Приобья. Неисконные номинации западного происхождения, вошедшие в русский язык в это столетие, весьма разнообразны по источникам заимствования:

из германских языков: *аглинское, анбурское, дюжина, карабин, коч, пистолет, рота, *снур (снурок), стамед, фурма, ярмарка*;

из французского: *колобарда, пистоль, трип*;

из голландского или французского: *бумазея, табак*;

из польского языка: *лядунка, пара, полковник, польской, поляк, протазан, рейтар, *спикидар, фьялка, шкатула, *инур (инурок), шпанка, яхонт*;

через старобелорусский (из немецкого или польского) – слово *мушкет*;

из греческого: *лагун, тавлия* ‘часть мясной туши’, *тонпас, финиса, финифт*.

Всего 36 иноязычных лексем (см. табл. 1).

По своему количественному составу западные заимствования XVII в. превосходят хронологический пласт заимствований XVI в., пропорционально увеличивается число польских и западноевропейских лексических элементов.

Анализ московских памятников народно-разговорной речи репрезентирует еще более значительное увеличение количества слов западного происхождения, заимствованных в русский язык в XVII в. Особенность среднеобского языкового континуума по сравнению с русским языком европейской территории Московского государства, связанную с тем, что неисконный лексического состава сибирских говоров в меньшей степени представлен западными заимствованиями, можно объяснить своеобразием образа жизни и деятельности насельников, а также удаленностью Томского острога от центра страны. В силу последних обстоятельств ограничивалась возможность массовых непосредственных контактов томичей с иностранцами. Контакты русских жителей сибирских острогов с носителями западноевропейских языков были возможны в связи с прибытием в отдаленные сибирские земли заграничных мастеров, сосланных «иноземцев».

Дошедшие до нас поименные списки прибывавших в Томск людей зафиксировали наличие среди них особой группы населения – *литвы*, жителей Литовского государства, среди которых было большое количество поляков. Вот что читаем в Смете хлебным запасам Томского города 1661 г.: «...в Томском... дети бояр и подьячих и польских и литовских людей которые в детех боярскихъ и по иноземному списку и конных казаков и пѣших стрелцов и пушкарей... 847 человек...»¹. Более конкретные сведения получаем, например, из Разборного списка служилых людей 1662–1680 гг.: «Иванъ Козловской: родом польския земли, взять въ бою подъ Глуховымъ...»; «Иван Марѣевъ взять под Витебском, при размѣнѣ в Польшу не пошелъ, а по челобитью пожалованъ въ дѣти боярские...»; «Польский казакъ Янъ Ивановский, родом польския земли, взять подъ Черниговымъ, в которомъ году – не упомянуть и сосланъ с Москвы въ Сургутъ. При размѣнѣ не поехал в свои земли и велѣно служить ему на Томску и верстанъ в иноземный списокъ...»; «Роман Филипповъ сынъ Болтовской, отецъ польския земли выехал на государево имя и по государевой грамотѣ присланъ в Томск...»; «Левонтий Павловъ сын сказалъ: отец поляк, взять на бою съ Москвы, присланъ в Томской в иноземный списокъ...»; «Левонтей Ставской родом полякъ, прислан в прошлом в

¹ *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 214. Ед. хр. 594. Л. 239 об. (Далее – РГАДА).

173 году. За то, что не пошел в свои земли, окладъ увеличен с 10 на 12 рублей» и др.¹

Как утверждают историки, к концу XVII в. в сибирском регионе насчитывалось около 10 тысяч служилых людей (9823 человека), в том числе 3170 человек «литовского списка», в который входили поляки, белорусы, украинцы, немцы, литовцы – подданные Речи Посполитой, попавшие в плен или перешедшие на русскую службу². В томских документах XVII века, по сведениям В.В. Палагиной, под общим названием «литва» объединялись не только поляки, но и белорусы и украинцы. К 1633 г. в Томске было не менее 200 человек «литвы»³. Не всегда возможно разграничить эту прослойку населения по языковой принадлежности. Без сомнения, можно считать поляками 30 человек⁴ [Там же. С. 51]. Во второй половине XVII в. количество «иноземцев» в Томском остроге значительно возрастает. «В течение всего XVII в. «служилая литва» в Томском остроге составляла от 10 до 20 % всего служилого населения. Это были в основном выходцы из Польши»⁵. Таким образом, в томских говорах возникли благоприятные условия для проникновения в них полонизмов.

Несмотря на это, в томских говорах XVII в. польские заимствования не преобладают над другими западноевропейскими. В структуре неисконного компонента лексики, выявленной в результате анализа томских деловых документов, хронологический пласт XVII в. содержит значительное количество иноязычных слов западноевропейского происхож-

¹ Головачев П.Г. Томск в XVII веке. Б.м., б. г. С. 42–45.

² См.: Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 223; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html>

³ Русские говоры Среднего Приобья / О.И. Блинова, Л.А. Захарова, О.Н. Киселева, В.В. Палагина, Г.А. Садретдинова / Под. ред. В.В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1. С. 50. (Далее – РГСП, 1985).

⁴ РГСП, 1985. С. 51.

⁵ Захарова Л.А. Польский след в сибирской антропонимии // Методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур. Томск, 2004. С. 128; Она же. Фамилии Томского острога XVII в. // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. Вып. 3. С. 540.

дения, проникших в русский язык без польского посредничества, например из германских языков. По данным деловой письменности Среднего Приобья XVII в., из общего количества западных заимствований XVII века бесспорно из польского языка транспонировано в русский 36 % слов, а из других западноевропейских языков без польского посредничества – 47 % от 36 лексических единиц (см. табл. 1).

На основании исследований русского языка по памятникам европейских регионов Московской Руси ученые делают вывод об особом влиянии в XVII в. польского языка на русский и о том, что польское посредничество является отличительной чертой процесса заимствования в XVII в.¹

Названная особенность русского среднеобского языкового континуума XVII в., касающаяся отсутствия превалирования в нем польских заимствований, во многом связана с экстралингвистическими факторами: во-первых, как уже было отмечено, с территориальной удаленностью сибирских острогов от мест непосредственных активных контактов русских с поляками – западных границ Московской Руси с Речью Посполитой, а также территорий пребывания поляков в Российском государстве в связи с интервенцией в первой четверти XVII в.; во-вторых, сибирские насельники не испытывали столь сильного книжного влияния, каким оно было в русской метрополии, особенно во второй половине XVII в., в связи с переводами большого количества книг с польского языка и тем, что польским языком часто пользовались западно- и южнорусские авторы².

Немаловажным фактором в данном отношении является социальный, профессиональный и образовательный статус русских насельников Приобья, а также особенности их жизненного уклада; нельзя сказать, что это были ученые, писатели, высокообразованные люди; в суровый сибирский край двигались в основном воль-

¹ См.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVI вв. // Сб. ОРЯС. 1903. Т. 74, № 1. С. 49; *Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 3–25; *Горшков А.И.* История русского литературного языка. М., 1969. С. 167; *Филкова П.Д.* История русского литературного языка XI–XVII вв. София, 1973; *История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XVIII в. М., 1981. С. 60–61.*

² *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 92 и др.

нонаемники, не нашедшие справедливости в Европейской России и желающие попытать счастья на новых необжитых землях. Цель их службы – оборона новых рубежей России, цель их жизни – приспособление к новым условиям. Поэтому в томской народно-разговорной речи превалируют польские заимствования, относящиеся к военной (*лядунка, полковник, рейтар*) и бытовой лексике (**спикидар, фьялка, шкатула, *шнур, шпанка* ‘игла’). Слова других тематических групп «остались» на первоначальной (материнской) территории. Кроме того, составители томских деловых бумаг могли намеренно избегать употребления польских слов, услышанных от сосланных в Сибирь поляков, понимая неуместность такого употребления в документах, написанных на русском языке, к тому же в первую половину XVII в. «Москва... сторонилась от польского языка и хотела оставаться при своем славянском языке»¹.

Спецификой томских говоров XVII в., функционировавших в регионе сибирского фронта, является возрастание коммуникативной актуальности военной лексики и вследствие этого – тенденция к терминологизации заимствований данной тематической группы. Например, томские деловые документы XVII в. отражают особенность употребления полонизма *полковник* в говорах на территории Приобского пограничья. В регионах распространения материнских говоров слово *полковник* является многозначным, оно служит, во-первых, для наименования предводителя, полководца, в том числе и татарского войска: «И ркуще полковником татарским: кто вы повелѢ требити отчество нше» (XVII в.; «Повесть о Мамаевом побоище»); второе значение – ‘военное должностное лицо, возглавляющее полк’: «полковник войсковой» – высшее военное должностное лицо в казачьем войске². В разговорной речи приобского фронта XVII в. очевидна тенденция к терминологизации полонизма *полковник*: утрачивается значение ‘предводитель (татарского войска)’, а семантика ‘военное должностное лицо, возглавляющее воинское подразделение’ становится единственно возможной: «Да в нынешнем по грамоте великого государя... присланы с Москвы в Томской *полковник* ТимофѢи Цыцюря да писарь Михаило...»³.

¹ Соболевский А.И. История русского... С. 97.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27. М., 1986–2006. (Далее – СлРЯ). Здесь: СлРЯ. Т. 16. С. 222.

³ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 594. Л. 153.

Таким образом, лексика западного происхождения, транспонированная в разговорную речь Среднего Приобья XVII в. из материнских говоров, функционировавших на территории российской метрополии, отражает специфические особенности трансграничного языкового континуума.

Особую значимость для нашего исследования представляют лексические элементы, проникшие в русские говоры Приобья в XVII в. и восходящие к уральским и алтайским языкам. Среди этой группы лексики – заимствования из аборигенных языков Сибири, представляющие собой отличительную особенность томских говоров XVII в. Данные лексемы являются результатом культурного взаимодействия славянского этноса с местными сибирскими этническими группами.

Русские переселенцы, осваивавшие сибирские земли, испытывали языковое влияние автохтонного населения на всем пути из региона первичного расселения. Общение с тюрко-монгольскими купцами, прибывавшими из Персии и других восточных регионов и транспонировавшими элементы восточной культуры и языка, было возможно на торговом пути через Мангазею. По среднему течению реки Оби и в ее окрестностях обитали многочисленные тюркоязычные группы, получившие название «томские татары»: эуштинцы, чаты, калмаки и др.¹, а также другие сибирские народы: самодийцы, ханты, манси, селькупы, монголоязычные буряты; эвенки, эвены и т.д.² Следствием этнических контактов, происходящих на стыке двух миров – Запада и Востока, являются лексические заимствования в русские говоры Среднего Приобья из языков коренного населения Сибири.

¹ См.: Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; Головачев П.М. Очерк заселения Сибири в XVI–XVII столетиях. СПб., 1906; Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири. М., 1928; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946; Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. ТГУ. 1950. Т. 112; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960; Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980; *Этнография народов Томской области*: Учеб. пособие. Томск, 2005.

² См.: Тучков А.Г. История и культура народов Сибири: Учеб. пособие. 2-е изд. Томск, 2005. С. 29.

Иноязычная лексика сибирского периода вхождения в русский язык и среднеобские говоры начального периода их образования (XVII в.) довольно многочисленна и составляет около 35 % общего количества заимствований из тюркских, монгольских, финно-угорских, самодийских и других языков (64 слова от 182 лексических единиц): *алман* 'налог', *бечева*, *буг/буга* 'медный перстень', *каир* 'мускус', *калмак* 'калмык', *кандык* 'растение', *кета*, *киргиз*, *киштым* 'данник', *кумач*, *кумка* 'нерпа', *курлук* 'дикая греча', *мунчак* 'искусственный жемчуг', *нашатырь*, *тогуш* 'годовалый лосенок', *чаты* 'чатские татары', *чарки* 'вид башмаков', *ясырь* 'пленник-абориген', *яшма* и др. Увеличивается удельный вес иноязычной лексики, транспонированной из монгольских (*бакиша* 'мера объема сыпучих продуктов', *ирбис* 'шкура снежного барса', *катуня* 'титул женщины в феодальной Монголии', *кутукта* 'верховное духовное лицо у мусульман', *лаба* 'буддийский монах в Тибете', *мугал* 'монгол' и др.), финно-угорских (*муксун*, *урак* 'мука из рыбы', *пальма* 'вид копыя', *чукрей* 'вид ножа', *самоеда* 'самодийцы'), самодийских языков; впервые в томские говоры проникают слова из тунгусо-маньчжурских языков.

Монгольские заимствования в томской разговорной речи XVII в. составляют более 22 % всех западных заимствований XVII ст. (от 64 лексических единиц). Главным образом это слова, первоначально употреблявшиеся как экзотизмы только при описании событий, связанных с представителями местного монгольского населения: *бакиша*² 'религиозный деятель', *браты* 'буряты', *катун(я)*, *контайша* 'монгольский титул', *кутукта*, *кучегуты* 'местная народность', *лаба*, *мугал*, *табун* 'титул', *тайша* 'титул у некоторых местных народов Сибири', а также обозначения предметов, заимствованных из жизненного уклада неславянского сибирского населения (*бакиша*¹ 'коробка', *буг/буга*, *ирбис*) и др.

Тунгусо-маньчжурские заимствования (более 22 % всех уральско-алтайских заимствований XVII в.) представлены этнонимами *гиляки* 'нивхи' орокского или удэгейского происхождения (из амурской группы языков), *долгиры*, *кутугиры*, *маты*, *матцы*, *маймаканцы*, *макагиры*, *орчаки*, *чолкогиры*, *чулюгицы*, *шамагиры* и др., в основном восходящие к самоназваниям эвенков; промисловыми регионализмами Сибири *кета*, *кумка* 'нерпа', *тиски* 'ковёр из бересты' и экзотизмом из области культовых обрядов коренных народов Сибири *шаман*, вошедшими в томские говоры из

эвенкийского языка, относящегося к северной (сибирской) группе тунгусо-маньчжурской семьи языков.

Иноязычную лексику, заимствованную из местных языков уральский макросемьи, составляют обско-угорские и саамские по происхождению слова (приблизительно 14 % от числа западных заимствований XVII в.): названия представителей неславянских этносов: *кан* (из хантыйского языка), промысловая лексика рыболовства и охоты: *муksун, урак, пальма, чукрей* (из хантыйского языка), а также самодийские заимствования (5 % на фоне всех западных заимствований XVII в.): из ненецкого (*одекуй* ‘речной жемчуг; стеклянные или фарфоровые бусы’, *тунгус*) и селькупского (*толом* ‘рукоятка тесака’) языков.

К XVII в. относится персидское заимствование *фарабат* ‘вид шелковой ткани восточного происхождения’, не зафиксированное в историко-этимологических словарях.

Заимствований из палеоазиатских языков в томских деловых документах XVII в. не обнаружено. Данное положение свидетельствует о том, что в XVII в., на раннем этапе сибирского периода существования русских старожильческих говоров Среднего Приобья, отсутствовали устойчивые контакты жителей данного региона с этническими группами кетов, юкагиров, чукчей, коряков, ительменов и др.

Среди неисконной лексики западного происхождения, датированной XVII в., как и в пластах лексики предыдущих периодов развития русского языка, преобладают слова, заимствованные из тюркских языков (более 40 % общего числа западных заимствований XVII в. – 26 лексических единиц), однако их удельный вес снижается (по сравнению с пластом зафиксированных в документах заимствований XVI в.): они составляют свыше 14 % общего количества лексических единиц (182) уральско-алтайского происхождения, вошедших в русский язык на всем протяжении его развития (в XVI в. – 20 %) и сохранившихся в речи русских насельников Приобья. В то же время увеличивается число заимствований из других языков аборигенов Сибири: монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и самодийских. Среди лексических единиц тюркского происхождения – этнонимы и имена, называющие представителей автохтонного населения (*калмак, киргиз, саяны (саянцы), тонгус, чаты*; *киштым, тархан* ‘тюркский титул’, *ясырь* и др.), обозначения сибирских растений (*кандык, курлук*),

элементы культуры местных этносов (*каир, мунчак, тогуш*), или переданные из других языков через тюркское посредничество «культурные слова» (О.Н. Трубачев) (*бечева, кумач, нашатырь, яшма*) и др. (см. табл. 2).

II. Обратимся к тюркизмам в народно-разговорной речи Среднего Приобья XVII в. В настоящей работе под тюркизмами понимаются восточные слова, для которых тюркские языки являются или языком-источником, или языком-посредником, т.е. слова, проникшие в русский язык *непосредственно* из тюркских языков. В тюркологии возможна более широкая трактовка данного термина: в понятие тюркизмов включаются лексические единицы, вошедшие в принимающий язык не только непосредственно из тюркских, но и через посредство других языков¹. Принятое нами терминологическое ограничение объясняется стремлением к выявлению лексики, свидетельствующей о непосредственных контактах носителей русского языка с тюркскими этносами; такой угол зрения на тюркизмы, объясняемый задачами исследования, также встречается в лингвистической литературе².

Определим особенности структурного содержания фрагмента лексики тюркского происхождения, вошедшей в томские говоры в сибирский период на фоне досибирских тюркизмов. Для этого необходимы отграничение и определение непосредственного источника заимствования³, дифференциация тюркского влияния на русский язык и его говоры. «Затемненный временем язык-источник, ограниченность по тюркизмам научной документации, специально вычлененного из памятников письменности историко-лингвистического материала, а также лингвогеографических данных осложняет решение проблемы о тюркском влиянии на русский язык»⁴.

¹ См.: *Добродомов И.Г.* Пути проникновения булгарских лексических элементов в славянские языки // *Тюркизмы в восточно-славянских языках*. М., 1974. С. 26; *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982. С. 6.

² См.: *Козырев И.С.* К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // *Тюркизмы в восточнославянских языках*. М., 1974. С. 9.

³ См.: *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2001. № 20. С. 103–106.

⁴ *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований... С. 4.

Среди досибирских тюркских заимствований, отраженных в томских деловых документах и заимствованных материнскими говорами до XIV в., преобладают болгарские и южнотюркские, в основном турецкие, элементы. В структуре пласта тюркизмов среди заимствований в XIV в. начинается и в XV в. продолжается увеличение количества татарских, преимущественно крымско-татарских, элементов (*казна, кирпич, калтак, башмак, камка, лал, кафтан, таборы* и пр.), при этом не уменьшается и объем турцизмов (*алтын, кабала, ремень, харч, черкас* и др.).

Обратимся к табл. 3, в которой представлена классификация тюркизмов последней стадии досибирского и начальной стадии сибирского периода существования русских говоров Среднего Приобья; основанием для классификации послужили источники заимствования тюркизмов, объединенные по группам тюркской семьи языков. С помощью таблицы представляется возможным выявить особенности направлений языкового контактирования, отразившегося на структурном содержании пласта тюркизмов сибирского периода вхождения по сравнению с досибирским.

Тюркизмы, выделенные нами на основании анализа памятников среднеобской деловой письменности XVII в., заимствованы из различных групп тюркской семьи языков (классификация А.Н. Самойловича): болгарской, огузской (юго-западной), кыпчакской (северо-западной), уйгурской (северо-восточной), чагатайской (юго-восточной). Основные группы данной классификации приняты в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков»¹.

В томских деловых документах **досибирские** тюркские заимствования XVI в. представлены лексическими единицами, вошедшими в русский язык главным образом из северо-западной (кыпчакской) и юго-западной (огузской) групп тюркской семьи языков.

Западнотюркские заимствования (из кыпчакского, татарского, крымско-татарского, турецкого, азербайджанского и др. языков) составляют 82 % всех тюркизмов XVI в. При этом языки северо-западной группы (в основном крымско-татарский, казанско-татарский и татарский) послужили источником для 30 % слов, турецкий язык – для 18 % слов и примерно 33 % лексем имеются как в татарском, так и в турецком языках. Поскольку многие из тюркских языков в XVI–XVII вв. были бесписьменными, мы не можем провес-

¹ См.: *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции* / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2002. С. 4.

ти четкую грань между языками северо-западной и юго-западной групп и посвящаем в табл. 3 отдельную колонку **«зап.»** (= западные группы тюркских языков), в которую помещены слова, известные как в турецком, так и в татарском и других языках кыпчакской группы. Такой же «смешанный» характер имеют столбцы **«вост.»** и **«сев.-зап. юго-вост.»**: столбец **«вост.»** (= восточные группы тюркских языков) объединяет лексический материал, зафиксированный одновременно в языках северо-восточной и юго-восточной групп (тувинском, хакасском, чулымско-тюркском, якутском; чагатайском (староузбекском), узбекском, уйгурском); столбец **«сев.-зап. юго-вост.»** (= северо-западная и юго-восточная группы тюркских языков) содержит лексемы, распространенные в языках названных групп. Такое «отсеивание» неоднозначного материала помогло нам выявить тюркизмы с однозначно определяемым источником заимствования и вследствие этого наметить тенденции и особенности структурного содержания пласта лексики тюркского происхождения, нашедшей отражение в среднеобских говорах на ранних стадиях сибирского периода их формирования.

Из восточнотюркских языков заимствовано всего около 9 % всех тюркизмов XVI в. Это единичные лексемы, зафиксированные в тюркских языках не только северо-восточной или юго-восточной, но и других групп (*куяк, барс, игрень* и др.).

Анализ томских деловых документов XVII в. позволяет сделать вывод, что ведущим тюркским влиянием в **сибирский период** (XVII в.) в томских говорах является татарское. В самой многочисленной группе лексики, заимствованной из языков северо-западной группы тюркской семьи (казахский, киргизский, кыпчакский, татарский), более 69 % вошло в русские говоры Среднего Приобья из разных языков и диалектов татарского языка: языка крымских татар, говоров казанских татар, языков и диалектов западносибирских татар, в частности чулымских, томских татар (в том числе калмаков, чатов и эуштинцев) и др. (*багасары, барабанцы, киштым, курлук, кумач, тогуш, тубинцы, чаты, чувал* и др.).

Западнотюркские заимствования в целом составляют более 70 % общего количества тюркизмов, заимствованных в XVII в.: *тархан, яшма* – из турецкого; *мунчак, нашатырь, ясырь* известны как в турецком, азербайджанском и других огузских языках, так и в кыпчакских. Показательно, что среди тюркизмов XVII в. сравнительно с досибирским периодом в русских говорах Западной Сибири

уменьшается количество лексических элементов из юго-западной группы тюркских языков: около 8 % тюркизмов XVII в. известно только огузским языкам (в основном турецкому, а также азербайджанскому) по сравнению с 18 % в XVI в.

Среди тюркских заимствований сибирского периода (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточнотюркских элементов. Если в XVI в. их удельный вес составлял около 9 %, то в XVII в. восточнотюркские элементы имеют удельный вес более 24 % за счет усиления интенсивности заимствования из северновосточной группы тюркских языков и диалектов – хакасского, алтайского, казахского, якутского (*каир, кандык, мунчак, саяны (саянцы), тонгус* и др.). Последние составляют около 20 % в XVII в. по сравнению с 2,8 % в XVI в. Намеченная тенденция усиления интенсивности процесса заимствования из тюркских языков северовосточной группы в среднеобских (томских) говорах XVII в. нашла выражение в современных говорах Среднего Приобья¹ (см. табл. 3).

Увеличение количества восточнотюркских номинаций в структурном содержании неисконной лексики сибирского периода по сравнению с досибирским, выявленной по результатам анализа томских деловых документов, доказывает движение славянского мира навстречу Востоку, зарождавшееся для среднеобского ареала в XVII в. в форме складывающегося пограничного языкового континуума, на состоянии которого отражается постепенное упрочение контактов русскоязычного населения Сибири с тюркоязычным, усиление влияния культуры исконного населения Сибири, движущейся с Востока, на славянскую культуру насельников Среднего Приобья.

III. Источниковедческое значение исследования местных памятников письменности заключается в том, что они позволяют уточнить время первой фиксации отдельных слов в русских письменных памятниках. Сибирские деловые документы XVII в. дают возможность уточнить хронологию заимствования некоторых иноязычных номинаций и/или их производных по томским памятникам письменности.

¹ См.: Ольгович С.И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1963. С. 146–160.

Опираясь на томские деловые документы, можно уточнить время первой фиксации в русских памятниках письменности иноязычных лексем западного происхождения (в скобках приведены уточняемые данные относительно хронологии заимствования):

пистолет – Томск, 1635 г. (1661 г. – Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент¹); **спикидарнои** ‘скипидарный’ – 1627 г. (1661 г. – словосочетание «масло спикинардное» употреблено в «Материалах по истории медицины», слово *скипидар* датируется, по данным Картотеки ДРС, 1670 г. Там же²); **трип** ‘шерстяная ткань с выработкой под бархат’ – Томск, 1640 г. (1677 г. – Картотека ДРС, 1724 г. – «Торговой морской устав», Петербург³); **шкатула** ‘коробка, ящик для хранения ценностей’ – Томск, 1627 г. (по данным М. Фасмера – 1708 г.) П.Я. Черных датирует слово *шкатула* 1627 г., но в другом значении – ‘царская сокровищница’ – Кологривов Н.С. Государева большая шкатула. СПб., 1903.⁴; **шнурок** – Томск, 1640 г.: «...шнурки шолковые, мишура...»⁵ (рукопись второй половины XVII в., «Книга лошадиного учения», переведённая А. Плювинелем⁶); в русском языке форма *снурок* ‘шнурок, веревка’ известна в Словаре Р. Джемса 1618–1619 гг. Формы с начальным *ш-*, по данным П.Я. Черных, зафиксированы в русских памятниках со второй половины XVIII в., в «Лексиконе российском и французском, в котором находятся почти все российские слова...» И.Ф. Лихтена⁷.

Томские деловые документы позволяют уточнить время первой фиксации в русской письменности следующих иноязычных лексем незападного происхождения (или их дериватов), имеющих в XVII в. общерусское распространение: **калмак (колмак)** ‘калмык’ – Томск, 1608–1609 гг.: «А больше де государь, им тово есаку дать нечево, что до твоих государевых людей ясак с них взяли с татар и с Тувы черные колмаки, чтоб ты, государь, пожаловал, велел их

¹ СлРЯ. Т. 15. С. 55.

² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 169.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 4. С. 103.

⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 415.

⁵ Головачев П.Г. Томск в XVII веке... С. 147.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь... Т. 4. С. 462.

⁷ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 419.

сберегать от черных колмаков...»¹; Нарым, 1643 г.²; **караулить** – Томск, 1636 г.; данный дериват от тюркизма *караул* зафиксирован в томских деловых документах в составе устойчивого словосочетания *караулы караулить* ‘быть на карауле; нести сторожевую охрану’: «...и на город, и на острог караулы караулим по вся дни в местех в пяти человеку по пяти по десяти...»³; 1704 г. – Поликарпов Ф. Лексикон трезязычной, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по алфавиту в чин расположенное. М., 1704⁴; **нашатырь** – Томск, 1624–1627 гг. (1633 г. – Таможенные книги Московского государства XVII в.⁵); **тунгус** – Томск, 1624–1627 гг. (1631–1632 гг. – якутское⁶); **чай** – Томск, 1638–1639 гг.: «Пили – чай словет, а чай – лист, не ведать деревяной, не ведать травы какой, а варят ево в воде, да прибеливают молоком»⁷; (1665 г. – «Материалы по истории медицины»⁸); **ялань (елань)** ‘поле; ровное место, используемое под пашню’ – Томск, 1616–1617 гг.: «Приходили государевы изменники... и твой государев хлеб и казачей на ялане выжгли и вытоптали...»⁹; (*елань* Тюмен., 1653–1654 гг.¹⁰; *ялань* Якут., 1672 г.¹¹; **ясырь** – Томск, 1624–1627 гг. (1641 г. – Тобольский острог¹²).

По томским деловым рукописям произведены хронологические коррективы заимствования следующих локально ограниченных

¹ *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002. С. 91. (Далее – СНРРТ).

² *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 58.

³ СНРРТ. С. 94.

⁴ *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь... Т. 1. С. 380.

⁵ Там же. С. 563.

⁶ *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000. С. 553.

⁷ *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи... С. 144.

⁸ *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь... Т. 2. С. 373.

⁹ *Палагина В.В.* Материалы для исторического словаря томского говора // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975. С. 51; СНРРТ. С. 312.

¹⁰ *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи... С. 40.

¹¹ Там же. С. 174.

¹² Там же. С. 175.

лексических единиц XVII в.: **браты** ‘буряты’ – Томск, 1616–1617 гг.: «А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: и маты, и браты, и саянцы, и багасары ...»¹; по данным Картотеки ДРС, старшим является употребление данного этнонима в якутских актах 1641 г.² По данным А.Е. Аникина, «сведения о бурятах стали известны русским (сначала в Томском остроге) с 1609 г.»³; **каиp** ‘мускус, получаемый из подбрюшной сумочки бобра’ – Томск, 1652 г.: «Фунт кайру бобрового»⁴; известна фиксация данной лексемы в тобольских памятниках 1686 г. «**кайра** (знач.?)»⁵; в СлРЯ приведен контекст 1687 г. из «Списков с товарных ценовых росписей и перечневой выписки по городу Енисейску XVII в.» – «[КАИРА]?»⁶; **кандык** ‘растение *Erythronium sibiricum*’ – Томск, 1636 г.: «По третей годъ хлѣбной недородъ... и многие ѣдят траву боршь и кандыкъ корен копают и едят...»⁷; для данного тюркизма определение хронологии ранней фиксации в русских памятниках производится по томским рукописям XVII в., поскольку слово **кандык** отсутствует в сибирских исторических словарях⁸, кроме томского⁹, и не отмечено в СлРЯ; **контайчи** (**контайча**, **контайша**) ‘монгольский титул’ – Томск, 1660 г.: «И он, Лобзяк Саин контайчи, выслушав против наказной памяти, на посольстве мне, Стеньке, с товарыщи говорил...»; «Он, Лобзяк мунгальский князь Саин контайча, нам... прислал юрты, и корм, и питье...»; «Статейный список, что деялось в Мунгальской земле Алтына-цря у сына ево Лобзяка... контайши...»¹⁰; (1700 г., Кузнецк¹¹); **кутукта** ‘верховное духовное лицо у мусульман’ – Томск, 1617 г.: «И после де посоль-

¹ СНРРТ. С. 251.

² СлРЯ. Т. 1. С. 326.

³ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... С. 136.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 305. Л. 54 об.

⁵ Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи... С. 58.

⁶ СлРЯ. Т. 7. С. 26.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Ст. 53. Л. 684.

⁸ См.: Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи...; Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.

⁹ СНРРТ. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи... С. 63.

ства золотой црь Кунканчей нам, Васке да Ивашку, сказал про кутку: то де у нас по нашей вере святой... а как де тот кутукта родился, и он де грамоте умел...»¹; (1618 г. – Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году²); **мугал** ‘монгол’ – Томск, 1618 г.: «И от царя Бушукты ехати до улуса 2 дни, до желтых мугалов, а улус зовут Муголчин...»³. Заимствование из монгольского языка *мугал* (*мунгал*) отсутствует в словарях Н.А. Цомакион, Л.Г. Панина, СлРЯ. Словосочетание *Мунгальское царство* употреблено в «Житии протопопы Аввакума» 1672–1673 гг.⁴; **тайша** ‘титул у некоторых местных народов Сибири’ – Томск, 1616 г.: «И меня... на дороге черных калмаков кучегунсково тайши Карагулины люди ограбили...»⁵; (1636 г. – Тобольск⁶); **тиски** ‘вареные куски бересты, сшитые вместе, употреблявшиеся для покрытия лодок’ – Томск, 1674 г.: «Пешему казаку Артюшке Бурыхину за тридцать за четыре тиски берестеных вареных рубль, куплены тиски в гдрву казну для судовых поделок...»⁷ (1697 г. – Мангазея⁸); **тогуш** (*тугуш*) ‘годовалый лосенок; шкура годовалого лосенка’ – Томск, 1640 г.: «Явил захребетный татарин Бехтерючко Плевметев с товарищи, что они продали своего промыслу... семь тогушев на семь рублей...»⁹; (1682 г. – Тобольск; *тыгыш*¹⁰); **чувал** ‘очаг, примитивная печь’ – Томск, 1632 г.: «И велел у них в тех банях поделать юрты, на потолках велел прорубить мури и чювалы поделать по-юртовски»¹¹. В Картотеке ДРС для слова *чувал* имеется только один контекст XVII в. – из якутских деловых документов (пыточных речей) 1676 г.: «...они къ тѢм казакамъ къ ЛевкѢ и Ѳедотку къ Окосу въ юрту Тѣздили

¹ СНРРТ. С. 110.

² СлРЯ. Т. 8. С. 149.

³ СНРРТ. С. 133.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь... Т. 3. С. 9.

⁵ СНРРТ. С. 110.

⁶ Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи... С. 154.

⁷ СНРРТ. С. 282.

⁸ Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников... С. 508.

⁹ СНРРТ. С. 283.

¹⁰ Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи... С. 158.

¹¹ СНРРТ. С. 307.

вмѣстѣ ночью... и того де Левку убилъ Байга, а онъ де Мавра въ то время стоялъ въ юртѣ за чюваломъ, а кто де Ѳедотка...»¹.

Только в томских памятниках зафиксированы регионализмы Сибири:

катуня (катун) ‘титул знатной дамы в феодальной Монголии’ – Томск, 1636 г.: «Мать мою, Чечен-катуню, бранил...»²; (в КДРС другое значение: *катуна* ‘женщина, хозяйка, госпожа’³); томское *катун(я)* было заимствовано независимо от древнерусского тюркизма *катуна* ‘татарка’⁴; **кучегуты** ‘неславянская народность Сибири’ – Томск, 1616–1617 гг.: «А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: и тубинцы, и кучегуты, и багасары... и все те, государь, люди около Томского города неподалеку кочуют...»⁵ (зафиксировано только в томских памятниках); **урак** ‘сушеная рыба’ – Томск, 1649 г.: «Июня в 20 де[нь] продал служилой члвк Парфенко Степной сто тритцать пуд хмелю... одиннатцат пуд жиру рыба, дватцать пуд ураку...»⁶ (зафиксировано только в томских памятниках); **орчаки** – Томск, 1646 г. (зафиксировано только в томских памятниках).

Этноним *орчаки (арчаки)* является наименованием коренной сибирской народности – северных эвенков. Томск, 1647 г.: «Посылан былъ ис Томского снѣ боярской Петръ Сабанской да толмак Федка Федоров с служилыми людьми в **орчаки** ко князю к Коготѣю да к братьям иво к Могонаю Кокшекову да к Букою Отчектову а велено ему Петру с товарищи ихъ князю Куготѣю и Могонаю и Букою и улусных ихъ людеи привести к шерти...»⁷; Томск, 1650 г. – «И декабря гсдрѣ въ 4 де(нь) снѣ боярской Юрь Трапидонской с товарищи приѣхав из **арчаков** намъ холопом твоим в сѣѣзжей избѣ сказал что в орчаках князю Могонаю да Букою тебѣ великому гдрю црю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю всея Руси шертовали...»⁸.

¹ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 7. С. 26.

² Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи... С. 60.

³ СлРЯ. Т. 7. С. 93.

⁴ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири... С. 272.

⁵ СНРРТ. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 294–295.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 381. Л. 246.

⁸ Там же. Л. 248.

Данная номинация отсутствует в СлРЯ и в Картотеке ДРС, а также в словарях Н.А. Цомакион, Л.Г. Панина, А.Е. Аникина и зафиксирована только в томском историческом словаре: «И для, гсдрь, какие меры тот тайша в орчаки пришел, и тот де князец Кока не ведает» (Томск, 1646 г.)¹. Этноним *орчаки*, неоднократно употребляющийся в статейных списках томских воевод XVII в., восходит к одному из самоназваний эвенков *орочён* ‘оленные’, которые «живут на севере Сибири»². За пределами среднеобского фронта известен этноним *орочен* ‘самоназвание группы эвенков, живущих в районе Забайкалья до северо-востока Амурской области, а также название эвенков, живущих в Китае и Внутренней Монголии»³, по сведениям Н.А. Цомакион, ‘отрасль тунгусской народности, разбросанная по Восточной Сибири между меридианами озера Байкал и устья реки Уссури»⁴.

Характерная для томской речи XVII в. номинация *орчаки* эвенкийского происхождения: *орочён* ‘орочен, оленевод (прежнее самоназвание забайкальско-амурских эвенков)’ – дериват с суф. -чён от *орон* ‘олень’⁵. Заимствованная устным путем, эвенкийская лексема, вероятно, испытала усечение финали -ен и была оформлена по словообразовательной модели с суффиксом -ак (-як), продуктивной для этнонимов не только XVII в. (*гиляки*, *поляки*), но и более ранних (*остяки* – заимствование XV в.): *орочен* > *орочак*; дальнейшая редукция гласного [о] привела к форме *орчак*, мн. *орчаки*.

Заимствование *орчаки* эквивалентно словосочетаниям *тунгусы оленные*, *оленные люди*: «Река Аллыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгильцы» (Томск, 1639 г.); «Да те ж тунгусы сказывают про реку Омуть, и та де река великая, а по ней

¹ СНРРТ. С. 162.

² *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 2-е изд. М., 2002. С. 167–168.

³ *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 8. С. 1039.

⁴ *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников... С. 65.

⁵ *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири... С. 429.

живут тунгусы, шамагири, оленные люди» (Томск, 1639 г.)¹. Исходя из последних контекстов, можно сделать вывод о том, что лексемы *чулюгильцы* и *шамагири*, отмеченные только в томских рукописях, обозначают племена или роды северных эвенков, занимающихся оленеводством.

Таким образом, источниковедческое значение данного исследования заключается в том, что по местным деловым документам XVII в. уточнено время первой фиксации в русской письменности целого ряда заимствований, как общерусских, так и локально ограниченных.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Структурное содержание неисконной лексики сибирского периода существования среднеобских говоров (XVII в.) отражает начальное состояние формирования пограничного языкового континуума, соединившего и преобразовавшего в себе две разнородные культуры – славянскую и азиатскую.

В структуре сибирского пласта неисконной лексики присутствуют номинации западного происхождения, поступающие в томские говоры через материнские из германских, романских, греческого языков, а также польского и белорусского. В томских говорах XVII в. возникли благоприятные условия для островного влияния польского языка, проникновения и сохранения в них полонизмов.

Отличительной особенностью процесса заимствования в сибирский период, отразившегося на лексическом строе томских деловых документов XVII в., является проникновение в разговорную речь сибирского фронта лексики из тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, являющихся единичными среди досибирских заимствований, а также увеличение количества заимствований из местных сибирских монгольских языков и диалектов. Для разговорной речи среднеобского фронта XVII в. ведущим языковым влиянием является тюркское.

Генеалогическая конкретизация тюркизмов позволила прийти к выводу, что среди тюркских заимствований сибирского периода существования русских переселенческих говоров Среднего Приобья (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточно-

¹ СНРПТ. С. 308.

тюркских элементов и ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов.

Исследование среднеобских деловых документов XVII в. дает возможность уточнить время первой фиксации целого ряда заимствований и/или их дериватов в русских письменных памятниках, а также выявить слова, не зафиксированные в историко-этимологических словарях других регионов.

Таблица 1

**Структурное содержание пласта
неисконной лексики томских деловых документов,
заимствованной в XVII в. из западных языков**

Языки-источники					Количество слов
германские	романские	греческий	польский	белорусский	
<i>аглинское анбурское дюжина карабин коч пистолет рота *снур (снурок) стамед фурма ярмарка, бумазезя (гол./фр.)</i>	<i>колобарда пистоль трип табак (фр./голл.)</i>	<i>лагун тавля тонпас финиса финифт</i>	<i>лядунка пара полковник польской поляк протазан рейтар *спикидар фьялка шкатула *шнур (шнурок) шпанка</i>	<i>мушкет</i>	36
36 %	11 %	14 %	36 %	3 %	
47 %					
61 %					

**Заимствования сибирского периода из алтайских, уральских
и иранских языков в томских деловых документах XVII в.***

Языки-источники						Кол-во слов
алтайские			уральские		иран.	
тюрк.	монг.	тунг.-маньчж.	фин.-угор.	самод.		
1. алман – алт. 2. багасары – тат. 3. барабанцы – тат. 4. барсук – тат. 5. бечева – кыпч. 6. бухаретин, бухарцы 7. каир – хакас. диал 8. калмак – тел. казах. 9. кандык – алт. тел. саг. койб. 10. киргиз – кирг. 11. киштым – тат. 12. кумач – Ттат. <u>каз.- тат.</u> кр.-тат. 13. курлук – тат. башк. 14. мунчак – кр.-тат. казах. ккалп. ст.-узб. тур. 15. мурья – чув. 16. нашатырь – тат. тур. азерб. 17. саяны, саянцы – тув. 18. тархан ‘пор. титул’ – тур. чаг. др.-тюрк. уйг. 19. тогуш – татЗС. 20. тонгус – якут. 21. тубинцы – тат.	1. бакша ¹ ‘коробка’ – монг. 2. бакша ² ‘рел. деятель’ – калм. 3. братья – бур. 4. буг / буга – бур. 5. ирбис (тюрк. и/или монг.) 6. катун(я) (тюрк.?) < монг. 7. контайша – Том. < кит. 8. кутукта – монг. калм. 9. кучегуты (монг.?) 10. лаба – монг. 11. ланза – монг. 12. мутал 13. табун ‘титул’ – монг. 14. тайша – бур.	1. гиляки-орок. – уд. (амур. гр.) 2. долгирцы – эвенк. 3. кета – эвенк. 4. кумка– эвенк. 5. кутугирцы – эвенк. 6. маты, матцы – эвенк. 7. маймаканцы – эвенк. 8. макагирцы – эвенк. 9. орчаки – эвенк. 10. тиски – эвенк. (комиЗ) 11. чолкогирцы – эвенк. 12. чулюгильцы – эвенк. 13. шамагири – эвенк. 14. шаман – эвенк.	1. кан – хант. 2. муксун – хант. 3. пальма – хант. 4. урак – хант. 5. чукрей – хант. 6. шишига – фин.	1. одекуй – нен. зап. 2. толомя – сельк. 3. <u>тунгус</u> – ненТ	фарабат – перс.	

22. чаты, чатпы – татЗС. 23. чарки – булг. 24. чувал – татЗС 25. ясырь – кр.-тат. тур. 26. яшма – тур.						
41 %	22 %	22 %	9 %	5 %	1,6 %	64
	85 %		14 %			

* Сокращения языков и диалектов соответствуют общепринятым. См.: *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири... С. 55–70.

Таблица 3

**Структурное содержание пласта лексики тюркского происхождения в томских говорах XVII в.,
заимствованной в XVI–XVII вв.**

Хронология	Группы тюркских языков-источников						
	юго-зап. (тур.)	зап.	сев.-зап.	сев.-зап. юго-вост.	юго- вост.	вост.	сев.-вост.
1	2	3	4	5	6	7	8
До- сибирские XVI в.	азям бирюза изуфрь кутня мусат фerezь	арбуз аркан есаул ишак катырь каюк кушак мулла сафьян чал чердак	<u>аманат</u> [*] <u>анбар</u> аршин <u>барс</u> <u>буланный</u> <u>тулуп</u> <u>чулок</u> <u>штаны</u> <u>юфть</u> <u>чемодан</u>	изюм сакма		куяк барс	игрень
	18 %	33 %	30 %			6 %	2,8 %
	82 %				9 %		

1	2	3	4	5	6	7	8
Сибирские XVII в.	тархан яшма	мунчак нашатырь ясырь	<u>багасары</u> <u>барабанцы</u> барсук бечева калмак киргиз <u>киштым</u> <u>курлук</u> <u>кумач</u> <u>тогуш</u> <u>тубинцы</u> <u>чаты</u> <u>чувал</u>		тархан		каир кандык мунчак саяны (саянцы) тонгус
	8 %	12 %	50 %		4 %		20 %
	70 %				24 %		

* Подчеркнуты татарские заимствования.